

**YENGLIK NURZHAKYP**ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-3838-8994>

Kazachski Narodowy Uniwersytet Pedagogiczny imienia Abaja

AIGERIM MUSSABEKOVAORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4650-6272>

Kazachski Narodowy Uniwersytet Pedagogiczny imienia Abaja

BAKITGUL ZHUMAGULOVAORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9422-427X>

Kazachski Narodowy Uniwersytet Pedagogiczny imienia Abaja

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *ВОДА* В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ:
ОПЫТ КОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ**REPRESENTATION OF *WATER* CONCEPT IN FICTION: EXPERIENCE OF COGNITIVE MODELLING

From the perspective of ecolinguistics, the representation of the lexeme *water* goes beyond reflecting natural reality and is considered a multidimensional mental construct with significant axiological content. In artistic discourse, this lexeme functions as a cultural *concept* and ideologeme, reflecting the specificity of the Russian linguistic picture of the world and its value coordinates. The article presents contemporary and Soviet cognitive models of the concept of water in the form of case studies. The study reveals that the concept of water in artistic discourse functions not only as a natural element, but also as an important concept of a mental and ideological nature, capable of modelling the relationship between humans, nature, and society, and shaping ecological awareness and behaviour in accordance with the demands of society.

Keywords: ecolinguistics, concept *water*, cognitive modelling, ecological awareness

ВВЕДЕНИЕ

Современная эколингвистика как междисциплинарное направление переживает этап активной консолидации со смежными гуманитарными науками — когнитивной лингвистикой, критическим дискурс-анализом, философией языка, социолингвистикой и др. Основной ее вектор заключается не только в исследовании отражения в языке экологической реальности, но и его

функции по формированию ее в качестве медиатора между природной средой и когнитивной системой человека. Универсальный концепт *вода*¹ занимает ключевую позицию в когнитивной, лингвокультурной, идеологической, аксиологической и экологической парадигмах. *Вода* не только природный ресурс, это еще и мощный символ, связанный с жизнью и смертью, гармонией и хаосом, временем и пространством. Так, в рамках публицистического дискурса Жанна Р. Сладкевич выделяет две противопоставленные группы: «грязная, стоячая, затхлая вода» и «чистая, очистительная, проточная вода»². Однако в условиях климатических изменений, наводнений и засухи, *вода* становится маркером «экологической тревоги». Как в дискурсе массмедиа, так и в художественном дискурсе XX–XXI вв. концепт *вода* репрезентируется не столько как нейтральный ресурс, сколько как экологическое событие, требующее переосмысления с позиции эколингвистики. Анна В. Моисеенко выявляет двустороннее взаимодействие между экологическим событием и его отражением в газетном тексте: «событие является основой для создания текста», также, как и «газетный текст, освещающий экологическую проблему, может предшествовать тому или иному событию»³. Концепт *вода* в газетах⁴ выполняет как информационную, так и ценностную функцию, активизируя при этом такие идеологемы, как: *опасность изменения климата, климатическое оружие, борьба со стихией, жертвы*. В рамках дискурса массмедиа данный концепт когнитивно маркируется как деструктивная сила, порождающая кризис, актуализирует у читателей тревогу, страх за жизнь. С данной позиции происходит встраивание в идеологическую матрицу

¹ З. Д. Попова, И. А. Стернин, *Семантико-когнитивный анализ языка*, Истоки, Воронеж 2007, с. 83.

² Ж. Р. Сладкевич, *Природная метафора в публицистическом дискурсе*, «Пушкинские чтения» 2012, № XVII, с. 337.

³ А. В. Моисеенко, *Лингвистическая характеристика текста экологической тематики*, «Научный диалог» 2019, № 10, с. 204.

⁴ И. Курнакова, *Сильнейший дождь в Москве*, 21.07.2025, <https://aif.ru/society/gallery/silneyshiy-dozhd-v-moskve> (26.01.2026); Ю. Ходырев, *В Сети появилось видео с коровами, спасающимися от наводнения в Якутии*, 17.07.2025, <https://aif.ru/incidents/v-seti-poyavilos-video-s-korovami-spasyayushchimisya-ot-navodneniya-v-yakutii> (26.01.2026); Л. Андреева *Гроза убивает. Военный эксперт Кнутов рассказал о климатическом оружии*, 16.07.2025, <https://aif.ru/society/nature/groza-ubivaet-voenny-ekspert-knutov-rasskazal-o-klimaticheskom-oruzhii> (26.01.2026).

«экологической тревоги», в связи с чем назревает необходимость формирования проэкологической идентичности — осознание человечеством принадлежности к природе, необходимости нести ответственность за вмешательство в природные процессы, развитие не только экологического сознания, но и экологического поведения. Функционирование концепта *вода* как значимого и идеологически нагруженного элемента не ограничивается сферой дискурса массмедиа. В художественном дискурсе, обладающем высокой степенью образности, метафоричности и символической насыщенности, глубинный когнитивный потенциал данного концепта раскрывается через образ автора, систему художественных образов, смысловую нагрузку произведения. Актуальность работы заключается в том, что в современных условиях роста интереса к экологическим, аксиологическим аспектам художественного дискурса возрастает значимость анализа природных образов как каналов репрезентации коллективной памяти и социальной идентичности. Как справедливо отмечает Марина И. Дойникова, экологическая проблематика «оказывает непосредственное влияние на его дискурсивное пространство»⁵. Также, когнитивное моделирование позволяет выявить не только лексико-семантические особенности концепта, но и определить, как формируются и передаются культурные сценарии — например, *вода* как граница между жизнью и смертью, *вода* как средство очищения и перерождения, *вода* как разрушительная сила. Эти сценарии оказываются особенно релевантны в контексте художественных текстов, затрагивающих темы *утраты*, *агрессии*, *исторической травмы* и *трансформации идентичности*. Так, анализ репрезентации концепта *вода* на материале текстов современной русской художественной литературы не только обогащает представления о семантической и образной структуре текста, но и вносит вклад в развитие когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и аксиологической интерпретации художественного дискурса. Цель статьи — проанализировать репрезентацию концепта *вода* в художественном дискурсе, определить его роль в формировании проэкологической идеологии и экологического сознания.

⁵ М. И. Дойникова, *О некоторых возможностях эколлингвистики*, «Вестник МГЛУ» 2016, № 5 (744), с. 49.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Исследование базируется на теоретических разработках в области эколлингвистики, которая за последнее время эволюционировала от установления хронологии исследования данного научного направления⁶, выявления тематики работ⁷, акценте на неопределенности терминологического аппарата⁸, разнообразия подходов и определения методов — корпусный, дискурсивный, нарративный⁹ до самостоятельного научного направления. Так, на материале анализа фреймов, метафор, нарративных структур доказываем, что медиадискурс становится площадкой для конструирования экологических ценностей, способствующих мобилизации аудитории в сторону экологически значимых действий¹⁰. Отмечая рост публикационной активности, устойчивое определение терминосистемы данного направления, интеграции междисциплинарных подходов (преимущественно дискурсивно-аналитического), Роберт Пул выявляет двойственную роль эколлингвистики как науки, изучающей взаимодействие языка и окружающей среды, и как междисциплинарное направление, в рамках которого переосмысливается роль языка в социокультурных и экологических процессах¹¹. Одним из таких направлений является эмотивная лингвоэкология, обладающая собственной теоретико-методологической базой, понятийным аппаратом, методами и приемами для «установления уровня экологичности/неэкологичности» коммуникативных ситуаций, в разной степени опосредованных эмоциями¹².

⁶ R. Zhang, *The year's work in ecolinguistics 2021*, «Journal of World Languages» 2022, т. 8, № 1.

⁷ Ch. Ha, *The year's work in ecolinguistics 2022*, «Journal of World Languages» 2023, т. 9, № 2.

⁸ J. Li, S. Steffensen, G. Huang, *Rethinking ecolinguistics from a distributed language perspective*, «Language Sciences» 2020, № 80, Article 101277.

⁹ H. Penz, A. Fill, *Ecolinguistics: History, today, and tomorrow*, «Journal of World Languages» 2022, № 8 (2).

¹⁰ I. Jabeen, *The Portrayal of Environmental Concerns: An Ecolinguistic Analysis of Media Discourse*, «World Journal of English Language» 2024, т. 14, № 5.

¹¹ R. Poole, *Ecolinguistics: Consolidating a research paradigm*, «Russian Journal of Linguistics» 2025, т. 29, № 1.

¹² В.И. Шаховский, *Триада экологий — человек, язык, эмоции — в современной коммуникативной практике*, Издательство ВГСПУ «Перемена», Волгоград 2017, с. 40–41.

МЕТОДОЛОГИЯ

Концепт *вода* представляет собой один из универсальных и архетипических образов, устойчиво закрепленных в языковом сознании и художественном мышлении. Он активно функционирует в различных культурных и текстовых пространствах как символ жизни, очищения, разрушения, границы, памяти и эмоциональной трансформации. *Вода* — не только природное явление, но и сложная ментальная категория, отражающая ценностные ориентации, метафизические и эстетические установки эпохи.

Когнитивный подход к анализу художественных текстов позволяет рассматривать концепт *вода* не как изолированную лексему, а как многоуровневую ментальную модель, репрезентируемую через различные языковые средства, сюжетные структуры и образы. В контексте литературы XX–XXI веков¹³ данный концепт утрачивает утилитарное или «декоративное» значение и становится знаком идеологических трансформаций, личностного становления и экзистенциального выбора.

В научных исследованиях, выполненных в рамках когнитивной парадигмы, утверждается, что концепт *вода* демонстрирует высокую степень семантической и прагматической вариативности, отражая как универсальные, так и этнокультурно маркированные элементы¹⁴. Данный концепт фиксируется в сознании носителей языка не только как физическое явление, но и как символическое пространство, насыщенное аксиологическим содержанием, где пересекаются категории жизни и смерти, чистоты и разложения, движения и застоя. Метафорическая репрезентация концепта *вода* фиксирует когнитивные сценарии, связанные с мифологическим, религиозным, культурным и моральным восприятием окружающего мира.

¹³ А. Смирнова (ред.), *Символика воды в русской словесности и мировой культуре*, Книгодел-МГПУ, Москва 2022.

¹⁴ Для исследования концепта *вода* Ольга Ю. Арсеньева привлекает обзор ряда диссертационных работ и приходит к выводу, что языковая личность «в своем сознании ассоциирует воду в виде конкретного моря и обобщенного представления о большом водном пространстве». В данном ключе работает Ирина В. Войтешук: «в немецком и русском языках обнаруживается значительный комплекс обозначений (свыше 400 ед. в каждом языке), составляющих номинативное поле макроконцепта *вода*». Гульсайра О. Ибраимова предприняла попытку «описать способы актуализации двух когнитивных моделей *мать-земля* и *мать-река*». Сергей Г. Николаев допускает, что вода «концепт живой и подвижный, постоянно стремящийся к обновлению своей семантической структуры».

В данной работе концепт *вода* рассматривается на материале художественных текстов как сложная ментальная конструкция, репрезентируемая через совокупность языковых единиц, образных схем, аксиологических оппозиций и идеологем. Метод когнитивного моделирования позволяет реконструировать его внутреннюю структуру, включая макрокомпоненты, полевую организацию и ассоциативное ядро. Анализ проводится с привлечением лексико-семантического и когнитивно-дискурсивного инструментария, при этом особое внимание уделяется способам актуализации ценностных смыслов, формирующих мировоззренческую картину персонажей и автора, а также отсылающих к более широкой системе национально-культурных представлений. В работе также привлекаются метод семантического анализа текста (<https://istio.com/ru>), метод классификации, метод наблюдения и интерпретации.

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

Результаты исследования представлены в двух кейсах¹⁵.

1. КЕЙС «СОВРЕМЕННАЯ КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА *ВОДА*».

В качестве материала исследования определен ряд произведений, опубликованных в журнале «Новый мир»: Владимир С. Березин *Вода и лед*, Юлия Лукшина *Вода*, Георгий Панкратов

¹⁵ В первом кейсе акцент сделан на выявлении современной когнитивной модели концепта *вода* с опорой на определение ключевых метафор, анализ фреймов и определения аксиологической/идеологической нагрузки текста на материале художественных произведений (журнал «Новый мир»). Во втором кейсе представлена советская когнитивная модель концепта *вода* с учетом применимости внедрения теоретических положений в практику преподавания языка и литературы в образовательном процессе, требующем поэтапной работы с текстом (выявление ключевых слов, активизация лексического материала, определение идеи и темы текста, интерпретация основных сюжетных линий, основной замысел автора), поэтому предложен развернутый вариант когнитивного моделирования текста с привлечением ряда лингвистических методов — Seo-анализа текста (<https://istio.com/ru>), основных приемов компонентного анализа, лексико-семантического анализа, описания семантической структуры концепта *вода*, метода сопоставления и ряда общенаучных методов и приемов. Каждый этап работы с текстом можно трансформировать в учебные задания, в том числе и проблемного характера.

Улитка, Борис П. Екимов *Дождь*, чтобы выявить своеобразную «эколингвистическую природу» концепта *вода*¹⁶.

В повести Березина *Вода и лед* («Новый мир» 2015, № 3) сделан акцент на фрагментах *Память воды* и *Память льда*, так как эти части заявлены в названии произведения, объединены лексемой *память*, а также называют два состояния концепта *вода* — жидкость и твердое/охлажденное состояние, образуя ряд оппозиций: вода (жидкая)/лед (твердый), жизнь/смерть (заморозка), бытовое чудо/научный факт, миф/наука.

Рассмотрим семантическую структуру концепта *вода* (Табл. 1).

Таблица 1. Семантическая структура концепта *вода* в повести Березина

Лексема	Ядерные признаки	Дифференциальные признаки	Функции в тексте	Дискурсивная принадлежность
Вода	Жидкость, капля, текучесть, очищение, проводник между мирами	Созидание / разрушение	Проводник между мирами, средство ритуала	нейтральный
Живая вода	Энергия, оживление, движение	Аэрозоль/спрей, активатор речи	Оживление персонажа	фольклорный
Мертвая вода	Покой, граница, смерть	Граница между жизнью и смертью, точка перехода	Подготовка к оживлению	фольклорный, паранаучный
Лед	Твердость, консервация, архив, память	Пластина с информацией	Хранитель памяти, источник видений	научный, мифологический

¹⁶ Выбор данных произведений обусловлен несколькими факторами: 1) журнал «Новый мир» является одним из ведущих литературных изданий России, в котором публикуются известные писатели, поэты, журналисты, критики; 2) произведения объединены по жанру и тематике; 3) охват произведений с 2015 по 2024 гг. позволяет выявить динамику и эволюцию концепта *вода* в художественном дискурсе, определить основные аксиологические и идеологические аспекты; 4) каждое произведение связано с концептом *вода*, что позволяет воссоздать когнитивную модель данного концепта. Анализ текстов с позиции эколингвистики позволяет выстроить когнитивную модель, в которой лексема 'вода' рассматривается как универсальный концепт. Модель включает семантический (языковой уровень), когнитивный (фреймы и метафорические модели), аксиологический (ценности) и идеологический (модели мировоззрения) аспекты.

Если обратить внимание на последние две графы таблицы, то несложно определить базовые фреймы когнитивной модели анализируемых частей повести (Табл. 2):

Таблица 2. Фреймы концепта *вода*

Фрейм	Структурные элементы (слоты)	Сценарий
Кризис / потеря рациональности	Дачный поселок ученых, персонажи — Раевский, Маркс, мелиоратор, мистика и наука	Сосуществование рационального и мифического
Ритуал оживления	Герой — умерший — мелиоратор — живая и мертвая вода — пульверизатор	Смерть — обработка мертвой водой — активизация живой водой — оживление
Архив льда	Гляциотека — керны — пластинки — таяние — видения — страх доступа к нижним слоям льда	Добыча льда — таяние — считывание истории / эмоций, этический выбор

На уровне фреймовой организации в тексте Березина концепт *вода* репрезентируется как носитель памяти, своеобразное хранилище информации, где каждая капля является «ячейкой памяти»; *вода* конструируется как вещество и как код, который позволяет распознать скрытые послания мира. Метафорические модели образов строятся вокруг идентификаций: *вода* — архив, код Вселенной; *капля* — ячейка памяти. Эти метафоры раскрывают философское содержание текста, в котором *вода* становится медиатором между человеком, культурой, историей в пространстве природы.

На аксиологическом уровне выявляется ценность знания, важность его сохранения, а также идея «философской глубины бытия», которая скрыта в одном из природных элементов — *воде*. Память *воды* воплощает непрерывность и глубину мира, способность фиксировать и передавать «следы прошлого».

На идеологическом уровне транслируется идея устойчивости и непрерывности культуры, где концепт *вода* становится не только физическим, но и культурным посредником. Через концепты *память* и *код* проводится связь между естественнонаучными науками и гуманитарным знанием, транслируется идея о необходимости их синтеза для постижения целостной картины мира.

Глубина философских размышлений автора «о кризисе научного мировоззрения», заявленная в начале произведения:

«наука с ее методами медленно отступает прочь», уступая «мистике», отсылает читателя к социокультурным процессам постсоветского времени с ее увлечением эзотерикой и паранаукой. Можно проследить прямую связь с медиапространством («мистический бум» 1980–1990 гг.), когда Анатолий Кашпировский «заряжал» аудиторию энергией «взгляда» и лечил от всех болезней через экран телевизора, а Алан Чумак воздействовал на банки с водой и любые предметы, которые доверчивые и легко внушаемые зрители размещали перед ним для «лечения». Приведем отрывок из части *Память воды* (<https://nm1925.ru/articles/2015/201503/voda-i-led-1353/>):

...Раевский ожидал, что разговор обязательно закрутится вокруг памяти воды и этих дурацких трехлитровых банок, в одну из которых после просмотра телевизионных откровений граждане матерились, а в другую кричали как заведенные «люблю-люблю-люблю».

Позже эта стратегия была использована для демонстрации различных передач такого характера — от «Битвы экстрасенсов» (начало 2000-х гг.) до полноценного канала «ТВ3» («Слепая», «Гадалка» и др.). Так, реплику персонажа можно классифицировать как культурный маркер, использованный для обозначения тревоги за смещение познавательных ориентиров, задаваемых наукой, в сторону мистики как массового медиапродукта, поддерживаемого общественностью и СМИ. Для того, чтобы снять «напряжение», вводится фраза: «Да только мне закричали в спину, что баня готова и я побрел прочь от чужой освещенной веранды». Здесь тоже можно обнаружить глубокий подтекст — баня (место очищения водой) как место перехода от «грязных мыслей», от «освещенного», но «чужого» пространства.

Итак, в данных фрагментах повести концепт *вода* образует сложную когнитивную структуру, которая вбирает в себя фольклорно-мифологический, паранаучный/медийный, научный дискурс, синтез которых обеспечивает сохранение культурной памяти.

В рассказе Лукшиной *Вода* («Новый мир» 2018, № 6) главная героиня — Елена Дмитриевна — становится свидетелем потери исторической памяти «любятинского диалекта», носители которого с каждым годом уменьшались (причина: «стариками уми-

рали», следствие: «слов уже действительно не было»). Название рассказа называет одну из четырех первооснов мира (вода/земля/воздух/огонь) и является смысловым ядром рассказа, который содержит ряд когнитивных моделей (жизнь/смерть, память/утрача памяти, стихия — потоп/засуха). В названии репрезентируется смысловое ядро текста, формируя множественные интерпретации концепта *вода* как среды трансформации, символа очищения. Данный рассказ строится на двух противоположных моделях: современный (технократический) и архаический (мифопоэтический) (Табл. 3).

Таблица 3. Когнитивные модели рассказа Лукшиной *Вода*

Современный (технократический) мир	Архаический (мифопоэтический) мир
Внешнее пространство (океан, Америка)	Внутреннее пространство (пруд, тело)
Технологии, импортированное	Наследуемое, телесное
Цифровая культура	Устная мифология
Женское как утилитарное тело	Женское как сакральное тело
Вода как ресурс	Вода как живая субстанция

В данной таблице когнитивное пространство обозначено географическими терминами *океан* и *пруд*, которые различны по объему и масштабности восприятия. Такое противопоставление задает не только пространственную, но и аксиологическую оппозицию. *Океан* символизирует безграничность, непостижимость, неуправляемую стихию, а *пруд* соотносится с локальностью, замкнутостью, очерченностью своих размеров. Бинарная структура пространственных образов задает основу для интерпретации водной стихии как маркера перехода от макрокосма к микрокосму, от объективного мира природы к субъективному миру человека. *Океан* и *пруд* имеют различные хронотопические характеристики: *океан* — символ линейного времени, ассоциируется с прогрессом, *пруд* — средоточие архаического времени, для которого линейность не характерна. Наряду с этим явно прослеживаются вариативные модели *воды*, см. Табл. 4.

Таблица 4. Метафорические модели воды в рассказе Лукшиной

Модель	Семантическая нагрузка
Вода как память	Образ океана, соединяющего и разделяющего поколения
Вода как граница	Пруд как граница в иное измерение, забвение, смерть
Вода как женское тело	Символ рода, архетип русалки
Вода как забвение	Исчезновение деревни, мифа, языка
Вода как голос предков	Историческая связь, фольклорная символика

Данные модели лежат в основе когнитивной структуры концепта *вода* в рассказе Лукшиной:

- слот концепта *память* содержит компоненты *океан, парусник, Америка, прошлое, эмиграция*, где *вода* выступает символом исторической и культурной памяти, дистанции между поколениями; слот *граница* через компоненты *пруд, исчезновение тел, смерть, тишина, пустота* обнаруживается как место перехода — граница между мирами;
- слот *женское начало* — компоненты *Нюра, образ «русалочки», материнство, телесность, женское тело* — реализуется посредством *воды* как сакрального женского начала, это сосуд жизни, мифологическая трансмиссия памяти и рода;
- слот *забвение* — через компоненты *исчезновение языка, культуры, деревни, ритуалов* — репрезентирует картину утраты идентичности;
- слот *голос предков* — компоненты *связь поколений, миф, предки, возвращение через тело* — определяет *воду* как канал сакральной передачи знаний, архетипических образов, переживание «вечного возвращения».

В рассказе Лукшиной через водную метафорику актуализуются аксиологические и идеологические смыслы, *вода* соединяет пространство, время и культурную память, может выступать посредником между настоящим и исчезающим прошлым. Через концепт *вода* транслируется *тревога* за исчезающую идентичность, разрушение языковой среды, фольклора, традиций.

В рассказе Панкратова *Улитка* («Новый мир» 2023, № 7) концепт *вода* представляет когнитивный узел, в котором объединены личное время, место памяти, магическая случайность. Сцена с канавкой и мостиком под сопровождение «журчащей

воды» указывает на фрейм-сценарий «детская игра — чудо — возвращение».

В когнитивной модели рассказа можно выделить следующие ключевые моменты:

- слот *пространство*, компоненты *канавка, мостик, калитка, забор, дом* — это локализация воспоминаний; место, где *вода* представляет элемент детского мира;
- *темпоральный* слот активизируется при переключении перспективы, ср. «Мне шесть» (начало рассказа)/«Мне тридцать восемь»/«Мне шесть» (конец рассказа), задает вертикаль времени, где *вода* связывает одновременные точки, при которых повторяющийся звуковой фон «журчит вода» закрепляет эффект временной петли;
- слот *аксиологический* связан с монеткой, упавшей в воду и «возвращающейся» спустя годы. *Вода* становится маркером темы возврата утерянного и надежды на второй шанс, *вода* является своеобразным «архивом» памяти, в котором хранятся картинки событий и эмоций;
- слот *чудо* реализуется посредством зажатой в руке монетки над канавкой с призывом «Дай мне знак» через образ улитки¹⁷ и ассоциативной цепочки, которая связывает ее

¹⁷ Обращение к данному слоту обусловлено тем, что рассказ назван *Улитка*, образ которой характеризуется многослойной семантической структурой: 1) обманутое ожидание — герой ориентирован на прототипное представление о знаке как визуально выраженном, значимом и мистически маркированном объекте, однако появление крохотной улитки, не соответствующее данной модели, вызывает разочарование, ср.: «Ну так себе [...] знак»; 2) улитка ассоциируется с медлительностью, замкнутостью (раковина на спинке), а герой в момент эмоционального напряжения вместо импульса к действию получает образ замедленного, почти медитативного существования; 3) символ случайности, с одной стороны, уникальность (*я никогда не встречу таких маленьких улиток — ни до, ни после*), с другой, ее образ «ускользает» от героя, он не смог понять знак; 4) отказ героя принять знак судьбы обусловлен несоответствием воспринимаемого объекта его когнитивным ожиданиям: неприятие скромного и негероического знака актуализирует авторскую иронию, указывающую на расхождение между ожиданиями субъекта и потенциальной семиотической значимостью явления; 5) улитка как символ органичной связи героя с этим местом; улитка и канавка существуют в одной природной среде, они являются своеобразным двойным напоминанием — вода как поток времени, непрерывность, а улитка как пункт назначения в этом непрерывном потоке, как напоминание о необходимости зафиксироваться на малом и конкретном, чем на большом и иллюзорном; 6) улитка как знак для

с ожиданиями героя и демонстрирует, как *вода* становится катализатором субъективного прочтения случайностей как смысловых знаков.

Так, в рассказе *Улитка вода* не просто фон/элемент пейзажа, это символический (эзотерический) ресурс, который запускает процессы воспоминания и переосмысления жизненного пути.

В рассказе Екимова *Дождь* («Новый мир» 2024, № 9) концепт *вода* как природное явление связан с жизнью деревни, с землей, трудом. Семантический аспект текста тесно сопряжен с природными явлениями: *дождь, влага, земля, поле, урожай, жизнь*. Данные лексемы характеризуются конкретностью, обозначением реалий жизни в деревне. В качестве смысловых доминант выступают диады: *влага — жизнь, земля — мать, труд — условие для жизни*; актуализируется аграрный и сакральный аспекты. На когнитивном уровне выявляются следующие фреймы: *вода как жизнь* (естественная среда существования), *вода как благословение* (дар природы, сакральность), *вода как кровь земли* (необходимый элемент аграрного цикла). Данные метафорические модели формируют представление о *воде* как посреднике между природой и человеком, основе поддержания гармонии в природе. На аксиологическом уровне утверждаются следующие ценности: труд как фундамент человеческого существования, плодородие как результат единения человека с природой, обновление как символическое возрождение через дождь, традиционный уклад как духовная основа сельской жизни. На идеологическом уровне транслируется традиционная модель сознания, в которой человек включен в природный цикл, зависим от него. В данной модели мир предстает в качестве гармоничного единства человека и природы, где труд и вера являются главными ориентирами. *Вода* через природное явление является символом устойчивости и вечности сельской культуры.

Выбранный корпус текстов позволяет реконструировать когнитивную модель концепта *вода* в современной русской художественной литературе (Табл. 5).

читателя — это напоминание: значимые изменения могут проходить незаметно, прошлое вспоминается в измененном виде.

Таблица 5. Когнитивная модель концепта *вода*
(корпус текстов журнала «Новый мир»)

Автор, произведение	Ключевые слова	Фреймы	Метафорические модели	Аксиологический аспект	Идеологический аспект
Березин <i>Вода и лед</i> («Новый мир» 2015, № 3)	Вода, память, код, капля, лед, архив	Вода как вещество, вода как код, вода как носитель памяти	Вода — архив, код Вселенной, капля — ячейка памяти	Ценность знания и его сохранения, философская глубина	Идея устойчивости, непрерывности истории и культуры, связь естественно-научного и гуманитарного знания
Лукшина <i>Вода</i> («Новый мир» 2018, № 6)	Вода, океан, пруд	Внешнее пространство (океан, Америка), внутреннее пространство (пруд, тело), граница	Вода как память, как граница, как женское тело, как забвение, как голос предков	Ценность выбора, очищения, перехода, утрата языка и культуры	Ответственность, тревога за исчезающую идентичность, разрушение языковой среды, отход от традиций
Панкратов <i>Улитка</i> («Новый мир» 2023, № 7)	Улитка, дождь, лужа	Детская игра — чудо — возвращение, время	Вода как личное время, как детство, как место памяти, как магическая случайность	Ценность знаков, умение их распознавать	Поиск смысла в повседневном, отказ от «навязанного» знака
Екимов <i>Дождь</i> («Новый мир» 2024, №9)	Дождь, влага, земля, поле, урожай, жизнь	Дождь — дар природы, вода как гармония в природе	Вода как жизнь, как благословение, как кровь земли	Труд, плодородие, ценность деревенской жизни	Традиция, труд, вера, гармоничное единство человека и природы

Универсальный концепт *вода* в данном журнальном корпусе репрезентируется через разные фреймы мировоззренческих установок авторов, в совокупности формируя многомерную модель, где *вода* выступает как *память*, *граница*, *знак*, *жизнь*, *традиция*. Хронологическая рамка способствует актуализации отдельных параметров развития общества в художественном восприятии: от трансляции концепта *вода* как природного архива (Березин), как испытания и медиатора между прошлым и насто-

ящим (Лукшина), как границы и знака (Панкратов) к воде как жизни и традиции (Екимов). В целом, создается литературная эколингвистическая модель концепта *вода*, которая отражает смену ценностных ориентиров в художественном дискурсе и, шире, социуме.

II. СОВЕТСКАЯ КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА ВОДА

С позиции методики преподавания русского языка важное место занимает работа с текстом, направленная не только на развитие языковой компетенции, но и на углубленное понимание культурных и ценностных кодов, заключенных в тексте художественных произведений. Обучающимся 8 класса общеобразовательной школы в рамках казахстанской школьной программы можно предложить работу с двумя рассказами: Светлана В. Василенко *Два рассказа. Суслик* («Новый мир», № 9, 1997) и Владимир Солоухин *Летний паводок* (1961)¹⁸.

В контексте нашего исследования интерес представляет произведение *Два рассказа* Василенко: часть первая *Суслик*, где вода выступает не просто фоном или элементом пейзажа, а носителем символического и аксиологического значения. Концепт *вода* в данном тексте репрезентуется через целую сеть метафор, образов, формируя когнитивный сценарий разрушения и перерождения. Центральный эпизод с заливанием *воды* в нору — это не просто физическое действие, а сложный символический акт, в котором *вода* становится инструментом коллективного насилия, идеологически мотивированного детским сознанием.

В результате семантического анализа (<https://istio.com/ru>) определен ряд ключевых слов¹⁹.

Методом классификации данные ключевые слова распределены по следующим семантическим зонам (Табл. 6):

¹⁸ Солоухин в разное время работал в журналах «Молодая гвардия», «Наш современник», публиковался в журналах «Москва», что послужило основанием включения произведения автора в анализируемый корпус.

¹⁹ Мир — 6, целый — 5, суслик — 4, нора — 4, уходить — 4, лили — 4, вод — 4, пионер — 3, земля — 3, потом — 3, злоба — 3, норка — 2, тихо — 2, хлорированный — 2, бок — 2, мокрый — 2, черно — 2, уже — 2, забыть — 2, выскочить — 2, ненависть — 2, плотный — 2, выползти — 2, божий — 2, света — 2, глаз — 2, душ — 2, потоп — 2, уничтоженный — 2, солнце — 2, поглядеть — 2, посмотреть — 2, выйти — 2.

Таблица 6. Семантические зоны рассказа С. В. Василенко *Суслик*

Экзистенциально-ценностная лексика	Человек и природа	Идеологическая лексика	Эмоциональная лексика	Символическая лексика
Мир, целый, божий, света, душа, неуничтоженный, солнце	Суслик, выползти, мокрый, глаз, поглядеть, посмотреть, выйти	Пионер, забыть, потом, уже, бок	Злоба, ненависть, хлорированный, плотный	Нора/норка, уходить, вода, лить, черно, бок, потоп, тихо

Экзистенциально-ценностная лексика используется для раскрытия оценки, состояния мира, восприятия происходящего: высокая частотность лексемы *мир* (6) представляет собой семантическое ядро — это символ целостности и спасения; *целый* (5) воспринимается в качестве ценности мира после катастрофы; *божий* (2) используется как связь с сакральным; *свет(-а)* (2) олицетворяет земную жизнь; *душ(-а)* (2) применяется к суслику — это внутренний мир животного: *неуничтоженный* (2) воспринимается как победа всего живого, самой жизни; *солнце* (2) являет собой образ жизни, света, надежды.

Во второй графе представлены лексемы, семантически соотносимые с лексемой «жертва»: *суслик* (4) как символ жертвы, его действие «*выползти*» (на коленях, жертва) и «*выйти*», *мокрый* (2) как символ рождения и уязвимости, *глаз*, *поглядеть/посмотреть* (по 2) содержат значение 'озарение', 'осознание'.

Идеологическая лексика включает лексемы, объединенные идеей «коллективное поведение»: «пионер» — представитель идеологизированного общества; «забыть» — механическое действие («*забыв* зачем льем», «*уже забыв* про суслика»); «уже» — потеря временной ориентации: «потом» — последовательность действия («мы лили воду просто так, потом весело-бесшабашно», «потом со злостью и отчаянием», «и потом — тогда вдруг из соседней норки выпал суслик»); «бок» (бока машины) — образ механического зла.

Эмоциональная лексика представлена лексемами, содержащими идею насилия, враждебности: «злоба» использована для выражения негативного чувства, желание причинить вред; «ненависть» — интенсивное и устойчивое, отрицательное чувство к кому-либо/чему-либо; «хлорированный» — химическое воздействие; «плотный» — давящий, напряженный.

Символическая лексика олицетворяет символ перехода границы миров: «нора» — переход между миром «под землей — на земле», «черно» — символ нижнего мира, отсутствие света, бездна, чрево земли; «уходить» (о воде) — исчезать в земле; «вода» и «лить» — символ потопа; «потоп» — природное явление, божественное наказание, разрушительная сила; «тихо» — для обозначения звука, низкий уровень шума. Лексема «тихо» используется для характеристики действия машины (*Тихо* за нашим отрядом ползла поливальная машина с хлорированной водой) и животного (Он *тихо* совершил свой намаз).

Рассказ Василенко *Суслик* содержит когнитивную схему «потоп»: повторяющееся действие (лить воду) создает метафору всемирного потопа, где дети, выполняя «казенное» задание, воспроизводят мифологическую модель уничтожения старого мира. Здесь *вода* репрезентирует агрессию, подчиненную коллективной воле («И когда наша злоба и ненависть... стала плотной, как льющаяся тяжелой струей вода...»). Концепт *вода* символизирует границу между мирами: образ норы — черного отверстия в земле — становится символом подземного мира, откуда выходит суслик, будто из другого измерения. Вода, заливаемая в нору, — это граница между жизнью и смертью, между «мы» и «он». Это архетипическая сцена инициации и насилия одновременно. Аксиологическая трансформация осуществляется вопреки наличию агрессии, так как в финале происходит переосмысление: вода становится фоном прозрения. Суслик, выбравшийся наружу, становится символом спасенной жизни, а акт «намаза» — знаком сакрализации происходящего. *Вода* как носитель вражды преобразуется в фон светового, «божьего» мира. Идеологический компонент передается через фигуру пионеров, орудующих ведрами, наполняя их поливальной машиной, прослеживается советская идеология коллективного подчинения. Вода как технический инструмент (машина с хлоркой) символизирует государственное насилие, санкционированное властью и воплощенное детьми («Тихо за нашим отрядом ползла поливальная машина с хлорированной водой...»). Семантическая концентрация выявляется посредством лексического анализа текста — установление высокой частотности слов *мир, вода, ненависть, злоба, суслик, нора* подтверждает когнитивную насыщенность концепта и его доминирование в смысловой структуре текста. Концепт *вода* здесь проявляет свойства «текучего» смысла, переходящего от разрушения к спасению, от идеологии к просветлению.

Творчество Солоухина привлекает внимание исследователей по ряду причин, связанных как с тематическим своеобразием его прозы, так и с глубиной философско-художественного осмысления действительности: писатель является ярким представителем литературного направления 1960–1980-х годов, получившего название «деревенская проза». Его произведения содержат созерцательное, философское отношение к природе, тексты насыщены не только описаниями ландшафта, но и размышлениями о связи человека с природой, о его корнях, судьбе, времени. Солоухин предлагает читателю онтологическое восприятие мира, где природа — это не фон, а живой участник повествования, язык писателя отличается образной насыщенностью, поэтичностью, детализацией и бережным отношением к слову; писатель поднимает важнейшие вопросы: о сохранении нравственных ориентиров, о деградации культуры, о забвении исторической памяти и религиозных традиций и т.д. Так, в работе Ксении М. Богровой, Александра С. Малахова²⁰ внимание уделяется концепту *вода* в художественном мире Солоухина. Исследователи, опираясь на методы лексико-семантического, компонентного и контекстуального анализа, подчеркивают, что данный концепт занимает значимое место в творчестве писателя. При этом он не однозначен по содержанию и имеет многозначное аксиологическое содержание, отражающее глубинные смыслы произведения автора. Заглавие рассказа *Летний паводок* уже задает центральный смысловой ориентир — вода как доминантный образ, проходящий через весь текст. Внутри произведения этот концепт получает разнообразную семантическую интерпретацию: денотативно вода как физическая субстанция (*дождь, влага, ручей, река, паводок*); образно: вода предстает как одушевленное существо, обладающее волей и характером; ценностно: вода воспринимается как эстетически значимое явление, как стихийная сила, вызывающая восхищение и тревогу. Ксения И. Кушнир отмечает двойственный характер образа *воды* у Солоухина. Он акцентирует внимание на амбивалентной природе этого элемента в прозе писателя: с одной стороны, вода символизирует житнетворное, созидательное начало, с другой — является носителем разру-

²⁰ К.М. Богрова, А.С. Малахов, *Роль смысловой доминанты «Вода» в формировании языковой личности В.А. Солоухина (на материале рассказа «Летний паводок»)*, «Вестник ВятГУ» 2016, № 9, с. 103–104.

шительной силы, способной уничтожить все живое²¹. Рассказ Солоухина *Летний наводок* представляет собой яркий образец природной прозы, в которой концепт *вода* реализуется не только как природное явление, но и как сложный символический конструкт. Через динамику лексико-семантических единиц, связанных с водой, автор формирует целостную языковую модель взаимодействия человека и природы.

Подсредством SEO-анализа (<https://istio.com/ru/text/analyz>) выделены частотные лексические единицы рассказа²².

Таблица 7. Семантические зоны рассказа Солоухина *Летний наводок*

Экзистенциально-ценностная лексика	Человек и природа	Идеологическая лексика	Эмоциональная лексика	Символическая лексика
существование, конец, смерть. (имплицитно: бедствие) минута, время, край, нора, убежище, внимание, ждать, может быть.	вод(а), дождь, река, речка, ручей, течение, куст, дерево, дрова, бревно, копна сена, земля, небо, берег, лужица, ямка, капля, сорока, птица, выхухоль, котенок, детеныши	мать, борьба	слабенький, тревожно, мелкий, крохотный, слепая, живой, точно, крайне, как-то	круг, клубочек, капля, дым-круг, поток, гром, мусор, шум, разгул, высота

²¹ К. И. Кушнир, *Языковое воплощение основных стихий (на примере стихии «Вода») в художественных произведениях. В. Солоухина, «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» 2017, № 1 (24), с. 32–33.*

²² Вод — 13, дождь — 10, место — 8, берег — 7, детеныши — 6, река — 6, земля — 6, конец — 5, ребенок — 3, ямка — 3, существо — 3, куст — 3, удар — 3, край — 3, дерево — 3, речка — 3, копытце — 3, выхухоль — 3, ночь — 3, небо — 3, круг — 2, клубочек — 2, лужица — 2, течение — 2, мать — 2, борьба — 2, сторона — 2, существование — 2, нора — 2, высота — 2, убежище — 2, ветвь — 2, сорока — 2, птица — 2, котенок — 2, капля — 2, бедствие — 2, мусор — 2, дрова — 2, бревно — 2, копна сена — 2, минута — 2, писк — 2, внимание — 2, ямка — 2, гром — 2, время — 2, ручей — 2, разгул — 2, поток — 2, дым — 2, шум — 2, выйти — 3, лежать — 3, кричать — 3, стараться — 3, глядеть — 3, казаться — 3, залить — 3, убыстряться — 2, поплыть — 2, прислушаться — 2, показаться — 2, доноситься — 2, перетащить — 2, затопить — 2, остановиться — 2, сорвать — 2, начинаться — 2, ждать — 2, лила — 2, хлынуть — 2, пройти — 2, слышать — 2, врениться — 2, лежать — 2, мчаться — 2, стегать — 2, подхлестывать — 2, держаться — 2, может быть — 2, слабенький — 3, черный — 3, коровий — 2, теплый — 2, слепая — 2, крохотный 2, малый — 2, ольховый — 2, живой — 2, неизвестный — 2, ненастный — 2, стоялый — 2, седа — 2, мелкий — 2, тревожно — 2, крайне — 2, точно — 2, как-то — 2, тем — 3, чем — 3.

Экзистенциально-ценностная лексика отражает фундаментальные жизненные категории — бытие, время, границы существования, стремление к сохранению или преодолению. Это слова, которые несут онтологическую нагрузку, связывая человека с вечными вопросами: жизни и смерти, начала и конца, устойчивости и хаоса. Такие лексемы, как «конец», «минута», «край», «существование», «смерть» (имплицитно) активизируют философское и рефлексивное восприятие текста, заставляя читателя задуматься о бренности, цикличности и уязвимости жизни — как человеческой, так и природной. В контексте рассказа Солоухина они участвуют в создании обостренного ощущения переходного состояния, границы между живым и исчезающим, между природным и социальным.

Во вторую графу входят лексемы, представляющие естественную среду обитания, в которой существует человек, а также названия животных, растений, природных объектов и явлений. Они формируют экологическую и пространственно-временную модель мира рассказа. Лексемы «вода», «дождь», «река», «земля», «куст», «дерево», «выхухоль», «сорока», «лужица», «ручей», «копна сена» позволяют выстроить образ природного ландшафта, в который погружен человек, чаще — ребенок, наблюдающий мир в первозданной чистоте или, напротив, в состоянии разрушения. Эта зона представляет природу как самостоятельную силу, порой враждебную, порой ласковую, но всегда значимую. Она задает фон для экзистенциального выбора, одновременно поддерживая идею сопричастности человека к живому миру.

Идеологическая лексика включает в себя единицы, несущие культурно-смысловую нагрузку, связанную с этическими, мировоззренческими и социально-ценностными установками. Лексемы «мать», «борьба» символизируют архетипические и моральные опоры: материнство как образ Родины, любви, защиты; «борьба» — как выражение противостояния хаосу, разрушению, равнодушию. Такая лексика встраивается в морально-нравственный контекст произведения, акцентируя внимание на внутренней борьбе человека — не всегда видимой, но всегда значимой. Это слова, апеллирующие к памяти, ответственности, долгу — важным понятиям в творчестве Солоухина.

Эмоциональная лексика выражает чувственное и психоэмоциональное восприятие действительности. Лексемы «тревожно», «слабенькие», «слепая», «крохотные», «точно», «как-то»,

«может быть» маркируют *неуверенность, тревогу, сочувствие, нежность, страх* или *восхищение*. Эмоциональная лексика служит и индикатором авторского отношения и переживаний героя, чаще всего ребенка, через которого передается образ мира. Она помогает читателю не только понять, но и почувствовать, эмоционально включиться в происходящее. Часто эти слова окрашивают восприятие природы и событий, превращая описание в поэтическую медитацию.

Символическая лексика включает языковые единицы, семантика которых содержит метафорический или символический компонент, что позволяет им функционировать и в переносном значении. Например, *выхухоль, круг, капля, клубочек, поток, дым, гром, шум* — не просто природные или бытовые элементы, а семиотические знаки, способные олицетворять хрупкость жизни, цикличность, детскую уязвимость, разрушительные силы природы. Через подобную лексику Солоухин создает глубинные ассоциативные образы, в которых одно явление намекает на другое, напоминая читателю о невидимых связях между человеком и миром. Эти символы становятся элементами мифопоэтической картины мира, особой художественной системой, где все связано и все значимо.

Семантическое ядро концепта составляют слова *вода, река, дождь, поток, лужа, течение*, имеющие высокую частотность и образующие устойчивое тематическое поле. Данные языковые единицы включают значения стихийности, непредсказуемости, жизненной силы и одновременно угрозы. Например, глаголы *хлынуть, затопить, залить* подчеркивают внезапность и разрушительный потенциал паводка. Вместе с тем, вода предстает не только как разрушительная сила, но и как естественная часть сельского мира, органически связанная с жизнью животных и человека. Лексемы «лужица», «ручей», «ямка», «норка№» описывают микропространства, где *вода* служит средой обитания, символом естественной гармонии.

Особое место в тексте занимает фигура *выхухоли*, символизирующая уязвимость живого существа перед природной стихией. Это существо — полумифическое, редкое, осторожное — усиливает атмосферу тревожного восприятия природы. Его описание насыщено эмотивно окрашенными лексемами: «слабенький», «безмолвный», «мелкий», «живой». Через них автор создает образ детской трепетной заботы о жизни, пробуждающей в героя чувство сопричастности и ответственности.

Важную роль играют модальные конструкции и наречия, отражающие субъективное восприятие происходящего: «как-то», «точно», «тревожно», «казалось». Они придают повествованию лирическую тональность, демонстрируя слияние внешнего, природного и внутреннего психологического планов.

Так, концепт *вода* в рассказе *Летний паводок* представляет собой многоуровневое смысловое образование, сочетающее в себе признаки природной стихии, жизненной среды и символа духовного потрясения. Через семантическое переосмысление и символизацию автор создает образ мира, в котором *вода* служит не только физической, но и ментальной реальностью.

Итак, рассказы Василенко *Два рассказа. Суслик* и Солоухина *Летний паводок* демонстрируют глубокую связь человека с природой, где человек — главный наблюдатель и участник — не просто фиксирует окружающее, но эмоционально реагирует на все, что происходит с живыми существами.

Таблица 8. Сходство и различие рассказов
Василенко *Два рассказа. Суслик* и Солоухина *Летний паводок*

Категория	Василенко <i>Два рассказа. Суслик</i>	Солоухина <i>Летний паводок</i>
Основная тема	Моральный выбор: жизнь/смерть	Человек и стихия, тревога за живое
Ядерное значение концепта <i>вода</i>	Смерть, сострадание, ответственность	Жизнь, стихия, беспомощность
Тип героя	Действующий, принимающий решение	Наблюдатель, сопереживающий
Роль природы	Жертва, этический индикатор	Стихия, символ, поэтический образ
Стиль	Реалистичная проза	Поэтичная, метафоричная проза
Идеологическое содержание	Воспитательное, нравственно ориентированное	Медиативное, философское

Основная тема в рассказе Василенко *Два рассказа. Суслик* сосредоточена на моральной дилемме — убивать или не убивать беззащитное существо. Пионеры сталкиваются с необходимостью принимать решение, от которого зависит чужая жизнь или выполнение «задания». У Солоухина в *Летнем паводке* герой наблюдает за могуществом природы, затем как стихия влияет на

живое, в том числе на детенышей выхухоля. Здесь нет выбора «убить или спасти», но есть созерцание и сопереживание, причем проявляется чувство тревоги и ответственности. Оба автора показывают, как формируется экологическое и нравственное сознание. Ядерное значение концепта *вода* данных рассказов раскрывается через экзистенциальные концепты, прежде всего такие, как *жизнь, смерть, ответственность, сострадание*. У Василенко концепт *смерть* стоит в центре: мальчик должен либо лишить суслика жизни, либо сохранить ее. Здесь смерть — реальность. У Солоухина *смерть* опосредована: герой не может спасти выхухольих детенышей, но ощущает бессилие перед стихией, что тоже углубляет трагическое переживание. Василенко акцентирует личный выбор героя — действующий/активный, а у Солоухина — наблюдатель (столкновение с непреодолимой силой), против которой человек ничтожен. У Василенко природа обезоружена и уязвима. Суслик предстает как олицетворение, безмолвной мольбы (намаз). У Солоухина природа двойственная — сила: одновременно плодотворная и разрушительная. *Вода* — это жизнь, но также хаос, уничтожающий детенышей, гнезда, укрытия. У обоих авторов природа представлена как *нравственный* катализатор: она побуждает человека задуматься о добре, зле, своей роли в мире. Стилиевые особенности авторов проявляются в том, что Василенко использует сдержанное, лаконичное повествование, ближе к реалистической традиции, а Солоухина тяготеет к поэтическому образному ряду, насыщенному метафорами и символами (*круги на воде, клубочек, дым, гром*), что приближает его стиль к лирической прозе.

Подводя итог, отметим, что у Солоухина природа — это система символов, у Василенко — пространство действия и морального выбора. Идеологические и аксиологические смыслы Василенко транслирует через доминирование идеи нравственного взросления. Первая часть рассказа *Суслик* содержит идею гуманизма в форме наставления. У Солоухина прослеживается созерцательная трагичность, философская основа: человек может лишь наблюдать, чувствовать и помнить. Природу нельзя победить, но можно научиться ее понимать и уважать.

При сопоставлении выводов каждого кейса обнаружены принципиальные различия в когнитивной модели концепта *вода*. В советской модели концепт *вода* предстает в качестве идеологически маркированного пространства, транслируемого

сквозь призму символов и сюжетов социалистического строя. Это сопряжено с условиями жесткой цензуры, ограничивавшей вариативность интерпретации действительности, в пользу воспитательных и коллективистских идей того времени. В современной модели *вода* репрезентируется как многозначный символический ресурс, через который актуализируются память, культурный код, традиция. Авторский замысел отличается вариативностью и самобытностью в отражении свободы в самовыражении и трактовке современных реалий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа направлена на изучение концепта *вода* с позиции эколингвистики в контексте взаимодействия языка, медиа и идеологии. Исследование позволяет понять механизмы формирования экологического сознания через язык, выявить когнитивные и идеологические модели, встроенные в ткань текста. Обзор научных работ, выполненных в рамках когнитивной парадигмы с учетом достижений в области эколингвистики, позволяет утверждать, что концепт *вода* демонстрирует высокую степень семантической и прагматической вариативности, отражая как универсальные, так и культурно маркированные смыслы. Данный концепт осмысливается в сознании носителя языка не только как физическое явление, но и как символическое пространство, насыщенное аксиологическим содержанием, где пересекаются категории жизни и смерти, чистоты и разложения, движения и застоя. Метафорическая репрезентация концепта *вода* фиксирует когнитивные сценарии, связанные с мифологическим, религиозным, культурным и моральным восприятием окружающего мира каждой эпохи.

В настоящей работе концепт *вода* рассматривается на материале современных и советских художественных текстов как сложная ментальная конструкция, репрезентируемая через совокупность языковых единиц, образных схем, аксиологических оппозиций и идеологем. Исследуемый концепт предстает в произведениях как символ жизни и разрушения, очищения и угрозы, способствуя формированию идеологических смыслов, связанных с отношением человека к природе, культуре, исторической памяти, этическим и национальным ценностям. Метод когнитивного мо-

делирования позволяет реконструировать внутреннюю структуру концепта, включая макрокомпоненты, полевую организацию и ассоциативное ядро. Анализ проводится с привлечением лексико-семантического и когнитивно-дискурсивного инструментария, при этом особое внимание уделяется способам актуализации ценностных смыслов, формирующих мировоззренческую картину персонажа и автора, а также отсылающих к более широкой системе национально-культурных представлений.

Концепт *вода* как природное явление в условиях глобального экологического кризиса перестает быть физическим объектом, начиная функционировать как дискурсивно оформленное событие, которое:

- на уровне языка репрезентируется через когнитивную модель концепта посредством метафор (вода — спасение, вода — сигнал, вода — опасность), фреймов («стихийное бедствие», «экологическая катастрофа», «живая стихия»), семантических зон, через которые концепт *вода* становится «носителем смыслов», отражающих отношение общества к природе — опасение, тревожность, природные катаклизмы;

- на уровне массмедиа становится символом климатической нестабильности, медиаперсонажем экологической катастрофы, объектом идеологической манипуляции, трансформируясь в медиатизированное экологическое событие с акцентом на ее значимости для выживания, опасности/безопасности;

- на уровне идеологии используется в качестве инструмента идеологической рамки, необходимой для развития проэкологического мышления, формирования ценностной дихотомии, типа «естественное/техногенное», «чистое/отравленное», «жизнь/угроза жизни»;

- на уровне художественного дискурса способствует развитию проэкологического мышления через образ автора, образ персонажей, сюжетной линии, вложенных в произведение смыслов и отношения к определенному событию.

REFERENCES

- Ha, Changchen. "The year's work in ecolinguistics 2022." *Journal of World Languages*, 2023, vol. 9, no. 2: 231–252.
- Jabeen, Ismat. "The Portrayal of Environmental Concerns: An Ecolinguistic Analysis of Media Discourse." *World Journal of English Language*, 2024, vol. 14, no. 5: 13–24.

- Li, Jia, Steffensen, Sune Vork, and Huang, Guowen. "Rethinking ecolinguistics from a distributed language perspective." *Language Sciences*, 2020, no. 80, Article 101277.
- Penz, Hermine, Fill, Alwin. "Ecolinguistics: History, today, and tomorrow." *Journal of World Languages*, 2022, no. 8 (2): 232–253.
- Poole, Robert. "Ecolinguistics: Consolidating a research paradigm." *Russian Journal of Linguistics*, 2025, vol. 29, no 1: 6–16.
- Zhang, Ruijie. "The year's work in ecolinguistics 2021." *Journal of World Languages*, 2022, vol. 8, no. 1: 141–163.
- Арсеньева, Ольга. "О возможности установления концептуализации воды языковой личностью (на материале английских, немецких и русских текстов героического эпоса)." *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2016, no. 4–2 (58): 69–72.
- Богрова, Ксения, Малахов, Александр. "Роль смысловой доминанты 'Вода' в формировании языковой личности В.А. Солоухина (на материале рассказа 'Летний паводок')." *Вестник ВятГУ*, 2016, no. 9: 100–104.
- Войтешук, Ирина. "Способы номинации макроконцепта 'Вода' в немецком и русском языках." *Вестник ВГУ*, 2015, no. 1: 111–114.
- Дойникова, Марина. "О некоторых возможностях эколингвистики." *Вестник МГЛУ*, 2016, vol. 5 (744): 47–52.
- Ибраимова, Гульсайра. "Когнитивные модели 'мать-земля' и 'мать-река' в русской лингвокультуре." *Вестник Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова, серия филологическая*, 2021, no. 4: 23–28.
- Кушнир, Ксения. "Языковое воплощение основных стихий (на примере стихии 'Вода') в художественных произведениях. В. Солоухина." *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*, 2017, no. 1 (24): 28–33.
- Моисеенко, Анна. "Лингвистическая характеристика текста экологической тематики." *Научный диалог*, 2019, no. 10: 204–214.
- Николаев, Сергей. "Эволюционная динамика концепта вода в русской поэзии XVIII–XX вв." *Научная мысль Кавказа*, 2023, no. 3 (115): 78–89.
- Попова, Зинаида, Стернин, Иосиф. *Семантико-когнитивный анализ языка*. Воронеж: Истоки, 2007.
- Смирнова, Альфия (ed.). *Символика воды в русской словесности и мировой культуре: Коллективная монография*. Москва: Книгодел–МГПУ, 2022.
- Сладкевич, Жанна. "Природная метафора в публицистическом дискурсе." *Пушкинские чтения*, 2012, no. XVII: 334–340.
- Шаховский, Виктор. *Триада экологий — человек, язык, эмоции — в современной коммуникативной практике*. Волгоград: Перемена, 2017.